

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1896**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1896: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 634 с.

ISBN 978-5-458-40722-9

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1896. Выпуски 5-8 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-40722-9

© Издание на русском языке, оформление «YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

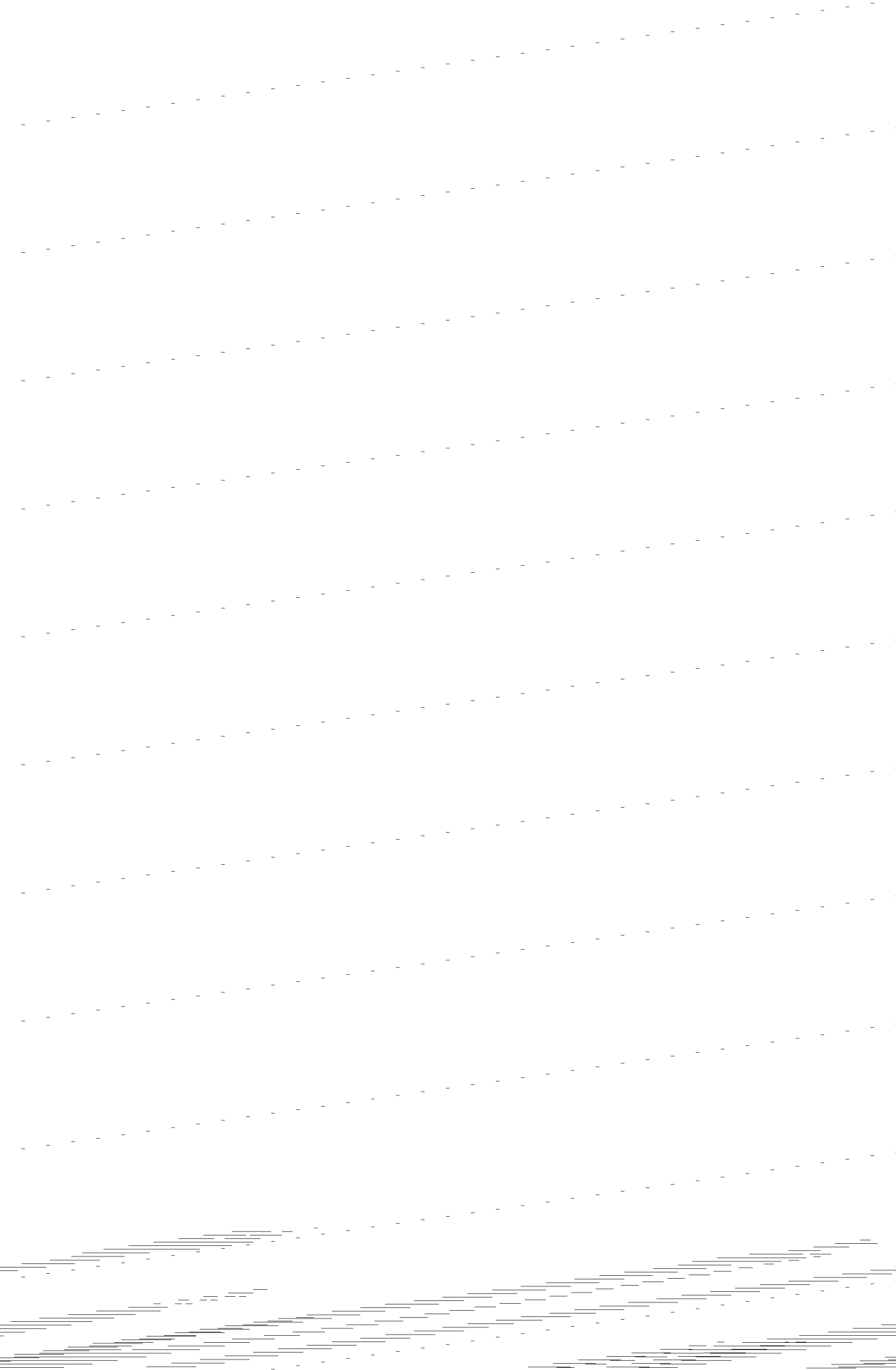
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ИСТОРИИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

I.

Вступленіе.—Причины мятежсѣй.—Масленскій бунтъ.—Самозванецъ Каменщиковъ („Алтын-ный Глазь“).

Пугачовщина далеко еще не вполне выяснена и описана. Большинство изслѣдованій касалось мятежа преимущественно въ Поволжскихъ губерніяхъ и южной части Урала, между тѣмъ какъ о дѣйствіяхъ Пугачова и его сообщниковъ въ сѣверной части Приуралья, особенно въ провинціяхъ Уфимской и Исетской, свѣдѣній очень мало ¹⁾.

Пользуясь данными Тургайскаго областного и нѣкоторыхъ Оренбургскихъ архивовъ, а также записками современника, поручика Андрея Егоровича Поспѣлова, печатавшихся въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1869 г., и статьею Зырянова „Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ“ („Пермскій Сборникъ“ 1859, I), осмѣливаемся начертить картину мятежа въ сѣверныхъ частяхъ Оренбургскаго края и указать происшедшія послѣ того событія, которыя имѣли тѣсную связь съ общимъ охватившимъ этотъ край волненіемъ.

Извѣстно, что край Оренбургскій, населенный разнородными племенами Башкировъ, Мордвы, Черемисы, Вотяковъ и другихъ инородцевъ, издавна былъ мѣстомъ постоянныхъ мятежей, волненій и посягательствъ на цѣлость Русской имперіи, какъ со стороны Башкировъ, такъ и со стороны Киргизовъ, хотя считавшихся подвластными намъ, но въ сущности не признававшихъ никакой власти, даже власти своихъ хановъ ²⁾. Переселенные сюда изъ центральныхъ областей Россіи Русскіе и другіе инородцы (Чуваши, Мордва и Черемисы), разбросавшіеся въ дебряхъ Башкиріи небольшими по-

¹⁾ Исключеніе представляетъ монументальный трудъ Н. О. Дубровина „Пугачовъ и его сообщники“ Спб. 1884 г. 3 тома; однако и этому почтенному изслѣдователю остались неизвѣстными нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ настоящей статьѣ. Ред.

²⁾ Г. Мордовцевъ въ 1-мъ томѣ своихъ „Самозванцевъ“ (стр. 287) пишетъ относительно Киргизовъ, что „Большая орда управлялась въ то время (т. е. Пугачовскаго бунта) ханомъ Эрали (I), Средняя—Аблаемъ и меньшая—Нурали-ханомъ. Состоя подъ покровительствомъ (!) Русскаго правительства, они были самыми безпокойными соседями и, какъ подвластные Русскому престолу Киргизъ-Кайааки, давали намъ, въ случаѣ необходимости, *помощь войскомъ*“. Можемъ увѣрить автора, что Большая орда въ то время была подчинена Зюлгорскому владѣльцу, а Эрали, братъ Нурали-хана, накомъ образомъ не могъ управлять ею и никогда не управлялъ. Киргизы также никогда не давали и до сихъ поръ не даютъ намъ „помощи войскомъ“.

селками, сами подчинялись вліянію тѣхъ же туземцевъ, а мѣстные власти не обращали никакого вниманія на нравственное состояніе мѣстнаго населенія.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ злоупотребленія властей, такъ какъ объ этомъ уже писалось не разъ. Воеводы и различные подъячіе обирали елико возможно не только Башкировъ и другихъ туземцевъ, но и Русскихъ*), и обращались съ ними просто по варварски, какъ будто это были не люди. Но всего больше терпѣли крестьяне горныхъ заводовъ Урала отъ своихъ прикащиковъ, конторщиковъ, управляющихъ и т. п., власть и самоуправство коихъ не знали себѣ границъ. За долго еще до Пугачовскаго бунта и много спустя послѣ него здѣсь творились такія безобразія, такія дуну раздрающія сцены безчеловѣчнаго обращенія, что, въ силу необходимости, изнывшіе подъ тяжестью непосильныхъ работъ крестьяне возставали противъ своихъ притѣснителей, такъ какъ суда и управы на нихъ трудно было найти въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, а до Петербурга въ то время, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, добраться было не легко, чтобы „повѣдать Царю-батюшкѣ про свое лютое горе“. А если и находились такіе смѣльчаки, что пускались въ далекій путь, то ихъ, по распоряженію тѣхъ же властей, перехватывали по дорогѣ и, какъ колодниковъ, подъ строгимъ карауломъ, отправляли назадъ, гдѣ имъ готовы были плеть и розги.

Такимъ образомъ, въ отдаленномъ отъ центра просвѣщенія и государственнаго строя Оренбургскомъ краѣ царили полный произволъ, поправіе всякихъ челоуѣческихъ правъ и утѣсненіе темнаго люда всяческими поборами. Въ концѣ концовъ народъ не выдержалъ тягости такого гнета, и вся эта масса крестьянъ, инородцевъ и казаковъ ополчилась противъ своихъ притѣснителей, чтобы сбросить съ себя ярмо ненавистнаго ига, благо для подстрекательства ихъ находились „благодѣтели и защитники“, готовые стать во главѣ мятежнаго движенія.

Значительныя волненія Башкировъ и другихъ инородцевъ, не говоря уже о набѣгахъ Киргизовъ, не прекращались до 1755 года, начиная съ 1584 г. и, даже ранѣе, съ 1574 года, когда въ Башкиріи начала строиться Уфа; первый же бунтъ крестьянъ, какъ указываютъ источники, открылся только въ 1760 году въ Масленскомъ острогѣ бывшей Исетской провинціи (нынѣ Челябинскаго уѣзда). Крестьяне здѣсь взбунтовались, потому что ихъ передали въ этомъ году „въ крѣпость“ извѣстному богачу и владѣльцу Уральскихъ желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ Никитѣ Демидову съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто задѣльной платы, онъ вносилъ за нихъ въ казну подати и повинности; они были недовольны такой выгодной для правительства сдѣлкой, лишившей ихъ свободы, и хотѣли вооруженной силой добиться прежнихъ правъ. Но волненіе это скоро было подавлено, и бунтовщики, казалось, подчинились требованію правительства, хотя не надолго.

Въ слѣдующемъ 1761 году, въ той же Исетской провинціи, появился первый въ краѣ *Русскій* возмутитель казакъ Чебаркульской крѣпости Федоръ

*) До чего сильно было взяточничество, видно изъ письма А. Ватазиной къ Елисаветѣ, „Русскій Архивъ“ 1867 г. Ред.

Каменщиковъ (онъ же Слудниковъ), прозванный почему-то „Алтыннымъ Глазомъ“, который впослѣдствіи снова вооружилъ противъ правительства крестьянъ Масленскаго острога и Броневской слободы ¹⁾.

Первымъ его дѣйствиємъ, показавшимъ склонность его къ убійству и мятежамъ, была подача челобитной на притѣсненіе казаковъ со стороны ихъ старшинъ. Хотя инныя его жалобы оказались справедливыми, но по слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ, такъ какъ не могъ доказать, что есауль Фальковъ грозилъ ему „поркой“, а атаманъ Симоновъ удерживалъ, при раздачѣ казакамъ фуражныхъ денегъ, отъ каждаго рубля по 5 коп.; что онъ же Симоновъ принуждалъ казаковъ бесплатно возить подрядный провіантъ и безвинно билъ и сажалъ подь караулъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это, и дѣлалъ незаконный поборъ съ казаковъ „для исходатайствованія у подполковника Могутова ²⁾ жалованія за бытность ихъ на линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время“. Ложью было признано и заявленіе Каменщикова въ челобитной, что всѣ мірскіе люди послали его жаловаться на старшинъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ заключенію его въ 1761 году подь стражу въ казармахъ Троицкой крѣпости. Въ Апрель 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, онъ замѣтилъ, что вожны кандалы на немъ были очень плохи, сшибъ ихъ съ ногъ камнемъ и бѣжалъ изъ подь караула. Такъ по крайней мѣрѣ потомъ на допросѣ онъ говорилъ самъ. Но по всей вѣроятности побѣгъ этотъ былъ задуманъ имъ ранѣе; еще сидя въ казармахъ, онъ подговаривалъ караульныхъ на свою сторону и писалъ государственнымъ крестьянамъ Буткинской слободы (Исетской же провинціи), что по освобожденіи его изъ острога онъ будетъ хлопотать по дѣлу ихъ о спорной землѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 рублей и взяли съ себя еще 200.

На первый разъ Каменщикову достаточно было этихъ средствъ, чтобы освободиться изъ подь стражи. Онъ сообщилъ о своемъ планѣ подьячему Кузьмѣ Мерзлякову и просилъ его пріѣхать въ Троицкую крѣпость къ нему „для писемоводства по Буткинскимъ дѣламъ“. Въ Мартѣ 1765 года Мерзляковъ дѣйствительно прибылъ въ Троицкъ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ и остановился на квартирѣ у драгуна Оренбургскаго полка Петра Долгихъ, который также „издавна былъ знакомъ“ съ Каменщиковымъ. Пріѣхавшіе объяснили драгуну свое дѣло, тотъ тотчасъ же отправился въ острогъ и привелъ къ себѣ Каменщикова ³⁾.

При этомъ свиданіи съ Мерзляковымъ Каменщиковъ показывалъ ему печатный указъ императора Петра Федоровича, данный будто бы на его имя,

¹⁾ Свѣдѣнія о дѣствіяхъ Каменщикова и о волненіи крестьянъ заимствованы изъ дѣла № 61, на 112 листахъ, Тургайскаго областного архива.

²⁾ Наказный атаманъ Оренбургскаго войска.

³⁾ По какому праву Долгихъ приводилъ Каменщикова изъ тюрьмы, того изъ дѣла не видно.

но не объяснилъ ему ни содержанія, ни времени выхода указа этого ¹⁾). И послѣ этого, при разныхъ другихъ случаяхъ, онъ неоднократно говорилъ ему что Петръ III живъ и слышалъ-де, что онъ часто съ бывшимъ губернаторомъ Волковымъ ²⁾ навѣщалъ по ночамъ въ Троицкую крѣпость для развѣдыванія о народныхъ обидахъ и останавливался у того же драгуна Долгихъ. Послѣдняго Каменщиковъ еще раньше привлечь на свою сторону, увѣривъ его, что Волковъ лично обѣщалъ ему Каменникову не оставить его и поручился въ этомъ именемъ императора Петра III ³⁾).

Такимъ путемъ Каменщиковъ успѣлъ подговорить къ себѣ въ сообщники и Мерзлякова, котораго потомъ употреблялъ вмѣсто писаря, и съ помощію этихъ двухъ друзей бѣжалъ изъ Троицкой тюрьмы. Зная, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, недавно приписанные къ заводамъ дворянина Демидова, были недовольны своимъ положеніемъ, и вѣроятно, „разсчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ“, онъ направился прямо къ нимъ и объявилъ себя тамъ сенатскимъ курьеромъ Михаиломъ Рѣзцовымъ, посланнымъ по именному высочайшему указу для разслѣдованія обидъ и притѣсненій, дѣлаемыхъ крестьянамъ прикащиками Демидова.

Народъ повѣрилъ этому, и среди крестьянъ началось сильное волненіе. Недовольные со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, прося помощи и защиты. Каменщиковъ принималъ ото всѣхъ на свое имя прошенія и всѣмъ обѣщалъ милости. Потомъ онъ съ своими сообщниками сталъ развѣзжать по селамъ и деревнямъ и всюду сѣялъ „мятежныя внушенія“. Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обнадеживалъ обѣщаніями ходатайствовать за нихъ не только въ Сенатѣ, но даже предъ самой Государыней. Неповиновавшихся же ему и обличенныхъ по доносамъ крестьянъ въ какихъ либо притѣсненіяхъ онъ сажалъ подъ караулъ и приказывалъ бить плетью, а домъ и имущество ихъ или запечатывалъ или забиралъ себѣ.

Чтобы не попасть въ руки правительства, „Алтынный Глазъ“ постоянно имѣлъ при своей квартирѣ стражу и окружалъ себя довѣренными людьми. Когда въ Маѣ 1765 года для поимки его въ Масленскій острогъ приѣ-

¹⁾ Впослѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа, однимъ изъ коихъ (25 Декабря 1761 г.) извѣщалось о кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны и повелѣвалось присягать Петру III.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, при вступленіи на престолъ Петра III, былъ назначенъ тайнымъ секретаремъ особаго совѣта, всѣ члены коего „думали головой Волкова“. Его перу принадлежатъ грамота дворянству 1762 г., затѣмъ проектъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и обширная „записка“ объ Оренбургской губерніи, которою онъ управлялъ съ 1762 по 1766 годъ. Эта записка напечатана въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1859 г. №№ 50, 52 и 1860 г. № 1.

³⁾ На допросѣ въ Оренбургской губернской канцеляріи онъ въ этомъ не сознался (см. ниже). Между тѣмъ почти одновременно, среди крестьянъ другихъ деревень Исетской провинціи посылась слухи, что Петръ III не умеръ, а живъ и скрывается у Яицкихъ казаковъ. Въ 1768 году въ селѣ Чесноковѣ (въ 18 верстахъ отъ г. Уфы) поны и дьячекъ по фамилии Федоровы служили даже благодарственный молебень о чудесномъ спасеніи отъ смерти императора Петра III (см. Памят. книж. Уфимской губерніи 1873 г. ч. II, стр. 102).

халъ комиссаръ Калининъ и явился въ домъ, гдѣ онъ жилъ, то „стоявшій на часахъ крестьянинъ Иванъ Шимолннъ“ предупредилъ его о грозящей опасности, и Каменщиковъ успѣлъ бѣжать.

Разъѣзжая по деревнямъ, Каменщиковъ дѣлалъ съ крестьянъ поборы деньгами по 9 коп. съ души, изъ конхъ 6 коп. для себя, а 3 коп. для постоянно находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки, его вѣрнаго тѣлохранителя. Встревоженное угрожающей опасностью, мѣстное начальство не разъ посылало для поимки его людей, но Каменщиковъ приказывалъ схватывать ихъ, заключалъ подъ стражу и билъ плетью. Мало этого, какъ облеченное большими полномочіями лицо, онъ нисколько не страшился предъявлять различныя требованія и къ властямъ, посылая свои грозные ордера, которые ему сочинялъ и переписывалъ Мерзляковъ, и въ Шадринскую управительскую канцелярію, и къ комиссару Окуневского дистрикта *).

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, и число приверженцевъ день ото дня увеличивалось. Тщетны были всѣ усилія мѣснаго начальства захватить преступника. Видимо онъ былъ очень опасенъ для правительства, ибо указомъ Сената отъ 1 Іюля 1765 года было объявлено 50 рублей награды за его поимку, и прощеніе вины, если бы поймавшій его оказался даже главнымъ его сообщникомъ.

Прослышавъ объ этомъ и, вѣроятно, предвидя себѣ худой конецъ, Каменщиковъ рѣшилъ скрыться отъ преслѣдованія, но самымъ дерзкимъ и страннымъ способомъ. Онъ объявилъ крестьянамъ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать за нихъ, и требовалъ выборныхъ, чтобы съ ними вмѣстѣ подать челобитную. Мужички охотно исполнили его приказаніе. Чтобы еще больше убѣдиться въ ихъ полномъ ему повиновеніи и согласіи подать жалобу на обидчиковъ, 500 Масленскихъ и Броневскихъ крестьянъ по его требованію были приведены священникомъ села Охлупіевского къ присягѣ. Отъ Масленскаго острога и Броневской слободы для приписанія жалобы на заводскихъ прикащиковъ явились выборными Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ Буткинскихъ крестьянъ, по дѣлу о спорной землѣ съ Татарами, Семенъ и Никита Телминовы.

Съ этими представителями „мира“ и съ женой своей Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути, въ дер. Починокъ (Казанск. у.), въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ изъ церкви и захватилъ съ собой двороваго челоуѣка отставнаго морского капитана Аристовъ—Федора Андреева, обѣщая представить его Государынѣ за то, что онъ донесъ ему, будто тамонніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, хотѣли убить его.

По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ выдавалъ себя то курьеромъ, то вахмистромъ Бахметевымъ, то „полковникомъ, а по выслугѣ лѣтъ генераломъ“ и свободно бралъ себѣ подводы и проводниковъ. Доѣхавъ никѣмъ не задержанный до столицы, онъ остановился на квартирѣ у монастырскаго

*) Въ то время Шадринскъ и Оса входили въ составъ Оренбургской губерніи.

писаря Ивана Сажина, который и сочинилъ ему челобитную въ 48-ми пунктахъ. Отъ Сажина Каменщиковъ перешелъ въ домъ къ помѣщицѣму бѣглому слугѣ Алексію Васильеву; но тутъ счастье измѣнило ему: одинъ изъ его сообщниковъ, Никита Телминовъ, прельстясь обѣщанной за него наградой, явился въ главную Полицеймейстерскую Канцелярію и довелъ на него. Каменщикова тотчасъ же схватили вмѣстѣ съ сообщниками, затѣмъ допрашивали въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи а потомъ въ Сенатѣ. Но какъ изъ допросовъ „о прямомъ его Каменщикова злоумышленномъ намѣреніи не открылось“, то Сенатъ отправилъ его съ товарищами въ Оренбургъ, предписавъ губернской канцеляріи дослѣдовать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и обо всемъ донести въ Сенатъ.

Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. Но и здѣсь по слѣдствію также ничего злонамѣреннаго не открылось. На спросъ его, откуда онъ знаетъ, что императоръ Петръ III живъ и „проговаривалъ о томъ Петру Долгихъ и Кузьмѣ Мерзлякову“, Каменщиковъ отвѣчалъ, что знаетъ „по увѣренію Чебаркульской крѣпости казака Колона Бѣлякина, который-де говорилъ, будто императоръ Петръ ѣздилъ съ губернаторомъ Волковымъ *въ образѣ шута*, и хотя-де онъ Каменщиковъ тому было повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оной казакъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетьюми, то уже и вѣрить не сталъ“.

Губернская канцелярія, разобравъ проступки виновныхъ, 18 Октября 1766 года присудила: Каменщикова и Мерзлякова, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи поздрей, въ ссылку на Перчипскіе заводы въ тячайшую работу вѣчно; Семена Телминова, Ѳедора Андреева, Ивана Шимолина и Сергѣя Телминова (у котораго Каменщиковъ „стаивалъ“ на квартирѣ) къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева—наказанію плетьюми.

Такимъ образомъ кончилась попытка перваго самозванца для возбужденія народа противъ властей. Но въ сердцахъ крестьянъ и казаковъ не могла потухнуть брошенная имъ искра: „живъ Царь - батюшка, защитникъ нашъ“, и какъ только вѣсть о появленіи Пугачова на Яикѣ достигла сѣверныхъ предѣловъ Оренбургской губерніи, народъ снова пришелъ въ движеніе.

*

Излагаемая въ слѣдующихъ трехъ главахъ событія и особенно числа не совсѣмъ согласуются съ тѣмъ, что мы читаемъ у Дубровина. Правильность своихъ утвержденій предоставляемъ защищать самому автору. Ред.

II.

Слухи о Пугачовѣ.—Сборъ войскъ къ Оренбургу.—Дѣйствія Пугачова подъ этимъ городомъ.—Бригадиръ Корфъ.—Участь Чернышова.—Мѣры къ убійству Самозванца.—Хлопуша и его дѣйствія.

Задавшись цѣлію писать о Пугачовѣ только то, что невѣрно передано прежними изслѣдователями или то, что еще мало извѣстно, мы не будемъ касаться здѣсь и повторять еще разъ всю родословную этого самозванца, его появленіе на Яикѣ и его первые успѣхи до прибытія къ Оренбургу. Извѣстно уже, что мятежныя дѣйствія его отъ Яицкаго городка до „столицы

степей“ шли такъ скоро и скрытно, что въ Оренбургѣ тогда только узнали о случившемся, когда толпы мятежниковъ стали появляться близъ Бердской слободы. Тутъ только Оренбургское начальство увидѣло необходимость въ рѣшительныхъ мѣрахъ и дало знать о появленіи Пугачова всѣмъ подвѣдомственнымъ крѣпостямъ съ приказаніемъ о немедленной высылкѣ отрядовъ для защиты города ¹⁾).

По этому приказанію отъ Звѣрниноголовскаго пѣхотнаго батальона былъ командированъ въ Оренбургъ секундъ-маіоръ Шкабскій, съ двумя ротами, изъ коихъ одною, за неимѣніемъ капитана, командовалъ поручикъ Поспѣловъ, авторъ записокъ, на которыхъ мы здѣсь основываемся. Отрядъ выступилъ изъ крѣпости того же названія 14 Октября 1773 года и продолжалъ путь форсированнымъ маршемъ, нигдѣ почти не останавливаясь за исключеніемъ двухсуточной стоянки въ крѣпости Верхне-Яицкой ²⁾), для пріема денежной казны 3 тыс. рублей на жалованіе и порціонные и гдѣ къ отряду были еще прикомандированы, при одномъ казачьемъ сотникѣ, сто человекъ Исетскихъ казаковъ и двѣсти человекъ Башкировъ.

Соединенному отряду этому однако не пришлось дойти до Оренбурга. На пути получено было приказаніе: казакамъ Исетскимъ остаться въ крѣпости Орской, а пѣхоть и Банкирамъ идти въ Верхне-Озерную для подкрѣпленія ея гарнизона, который состоялъ всего лишь изъ 80-ти солдатъ, „старыхъ и дряхлыхъ инвалидовъ и конфедератовъ“, 100 Калмыковъ, 30-ти Бердскихъ казаковъ и 45-ти человекъ жителей, „престарѣлыхъ отставныхъ казаковъ и солдатъ, на которыхъ пиконимъ образомъ нельзя было надѣяться, въ случаѣ нападенія на крѣпость непріятели“. Но и посланный отрядъ не пришелъ туда полностью. По дорогѣ Башкиры разбѣжались, и въ Озерную 29 Октября вступили только двѣ роты пѣхоты. Однако комендантъ крѣпости полковникъ Демаринъ былъ радъ и такому подкрѣпленію „здоровыхъ“ силъ и въ тотъ же день распредѣлилъ всю прибывшую команду по фасамъ, поручивъ начальствованіе надъ каждымъ особому офицеру.

Тѣмъ временемъ Самозванецъ, значительно усилившись толпами Башкировъ и разной заводской черни, обольщенной его обѣщаніями освободить отъ крѣпостныхъ работъ, собралъ около себя тысячу 50 войска и двинулся на Заводы ³⁾), гдѣ, отливъ пушки и тѣмъ увеличивъ свою очень плохую артиллерію, снова подступилъ блокировать Оренбургъ, непрерывно беспокоя его гарнизонъ своими дерзкими приступами и нанося существенный уронъ городу ⁴⁾).

Бригадиръ Корфъ, слѣдовавшій на помощь Оренбургу съ вспомогательными командами изъ Троицка, Озерной и другихъ мѣстъ, былъ атако-

¹⁾ Записки поручика Поспѣлова („Оренбургскія Губернскія Вѣдомости“ 1869 г. № 26).

²⁾ Нынѣ узвѣднй городъ Верхнеуральскъ.

³⁾ Теперь г. Орскъ.

⁴⁾ Записки Поспѣлова. У Пушкина же (Ист. Пуг. Буи. III, 29—30) показано, что Заводы взяты Хлопушею, который выслалъ оттуда Пугачову и артиллерію. Но, какъ увидимъ ниже, Хлопуша выпущенъ изъ острога позже присоединенія къ Пугачову Заводовъ.

ванъ Пугачовымъ почти подъ самыми стѣнами города и едва спасся, благодаря только во время высланному изъ Оренбурга отряду, и мятежникамъ достались нѣсколько повозокъ, шедшихъ въ хвостъ отряда Корфа.

На другой день, 14 Ноября 1773 года, между Оренбургомъ и Чернорѣченской крѣпостью, Самозванецъ сдѣлалъ такое же неожиданное нападеніе на вспомогательный корпусъ изъ Симбирскаго и Ставропольскаго батальоновъ полковника Чернышова, который, совѣмъ не ожидая непріятельскаго нападенія, шелъ безъ всякихъ походно-боевыхъ предосторожностей. Между тѣмъ Пугачовъ былъ заранее извѣщенъ о движеніи этого отряда и заблаговременно съ своей толпой засѣлъ въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ около р. Сакмары по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой лежалъ путь Чернышовскаго отряда, и когда этотъ безпечный военачальникъ вошелъ въ середину засады, мятежники всѣми силами разомъ ударили на него ¹⁾. Хотя Чернышовъ стойко принялъ ударъ врага и бился отчаянно, „съ непоколебимымъ мужествомъ“; но численность непріятельскихъ войскъ превосходила втрое болѣе его отрядъ, и въ концѣ концовъ, лишившись артиллеріи, на первыхъ же порахъ схватки отбитой бунтовщиками, онъ принужденъ былъ сдаться²⁾. Посланные изъ Оренбурга на выручку его войска не успѣли придти во время и могли только убѣдиться въ оплошности и гибели Чернышова.

Пугачовъ, захвативъ весь отрядъ несчастнаго полковника (500 чел. пѣхоты при 12-ти офицерахъ ³⁾), мѣдныя пушки съ артиллерійскими запасами, денежныя суммы и весь обозъ, съ торжествомъ возвратился въ Берду, гдѣ на другой день была расправа съ несчастными плѣнниками. Самозванецъ предлагалъ Чернышову вступить въ ряды его войскъ, но мужественный полковникъ съ гордостью отвергъ это позорное предложеніе, публично назвавъ Пугачова измѣнникомъ и воромъ, и вмѣстѣ съ другими своими офицерами былъ тотчасъ же повѣшенъ.

Ужасъ объялъ всѣхъ жителей и военачальниковъ въ Оренбургѣ, когда было получено извѣстіе объ участи Чернышова. Слабый и трусливый до нельзи Рейнсдорпъ ⁴⁾ совѣмъ потерялъ голову и не зналъ, на что рѣшиться.

¹⁾ Записки Пospлoвa. Пушкинъ же (III, 40) приписываетъ гибель Чернышова измѣнѣ нарочно подосланнаго къ нему Пугачовымъ сотника Падурова. Между тѣмъ и по настоящее время Чернорѣченская дорога проходитъ между кустарниками, въ лѣсу (хотя теперь уже рѣдкомъ), и слѣд. показанію Пospлoвa можно дать болѣе вѣрности. Кроме того Пушкинъ утверждаетъ, что Чернышовъ имѣлъ дѣло съ Пугачовымъ ранѣе Корфа. (Тоже утверждаетъ и г. Дубровинъ). Но г. Мордовцевъ („Отеч. Записки“ 1868 Августъ) въ данномъ случаѣ сходится съ записками Пospлoвa.

²⁾ Въ своихъ показаніяхъ Пугачовъ не говоритъ о сильномъ сопротивленіи, но сообщаетъ о томъ, что Чернышовъ хотѣлъ убѣжать передѣвшившійся въ мужицкое платье и сѣвъ на козлы саней. Ред.

³⁾ У Пушкина (III, 41) въ отрядѣ Чернышова на 1500 солдатъ и казаковъ и 500 Калмыкъ при 12 пушкахъ, показано *36 офицеровъ*, число коихъ, сообразившійся съ численностью войскъ, кажется преувеличеннымъ. По запискамъ же Рычкова (стр. 337) было: „солдаты гарнизонныхъ—600, Ставропольскихъ Калмыковъ — 500, да крѣпостныхъ казаковъ 100; и того—1200 человекъ“.

⁴⁾ Генераль-поручикъ Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ былъ Оренбургскимъ губернаторомъ съ 1769 по 1781 годъ.